

ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВА РАБОЧИХ: КОНКУРИРУЮЩИЕ И СХОДЯЩИЕСЯ КОНСТРУКТЫ ТРУДА В СЕЛЬСКОМ КЫРГЫЗСТАНЕ. *Резюме*

Жанна Фео де ла Кроа

Статья начинается с этнографической зарисовки о сборе кизяка для топлива на горном пастбище. Автор указывает на двойственные чувства, которые испытывают при этом работники – члены семьи чабана. Во время исследования было замечено, что люди в сельском Кыргызстане (Киргизии) зачастую говорят о работе не только как о способе получения средств к существованию, но делают такого рода комментарии, как, например, «все теперь работают на себя» (*өз өзі ичйин*), и оценивают работу других согласно определенным критериям. В этой статье исследуется влияние, которое различные условия, нравственные ценности и опыт оказывают на предпочтения и возможности людей в выборе работы и на то, каково ее место в их жизни. Я утверждаю, что распространенный дискурс о ценности работы – следствие наложенных друг на друга идей, происходящих из различных источников: традиционных предписаний, которые зависят от пола и стажа занятости в семейной экономике, ислама, социалистических и неолиберальных (капиталистических) идеалов в предпринимательстве.

В постсоветской антропологии часто изучали *рабочих*, при этом *работа* не была темой специального исследования. Однако, в отличие от авторов таких исследований, я не преподношу *этнографию рабочих* как этнографию отдельной социальной группы или класса, а рассматриваю *работу* как определенный вид деятельности, в которую вовлечен каждый. Я показываю, что гордость за принадлежность к группе или общности, в которой работает индивид, определяет ценность проделываемой работы. В статье, прежде чем вернуться к описанию истории пастушки Эльмиры, я рассматриваю этимологию терминов, связанных с понятием «работа» в киргизском и русском языках. Любопытно, что Эльмира, несмотря на свой шестнадцатичасовой рабочий день, говорит, что «у нее нет работы», называет себя «безработной». Противоречие между максимальной занятостью в получении средств к существованию и таким самоопределением (безработный) весьма распространено в Центральной Азии. Мною найдено много респондентов, которые так же, как Эльмира, склонны представлять конец совет-

ской эпохи как отправной пункт в сравнении ситуации, касающейся работы. «Безработица» – новая официальная категория в постсоветской реальности, и становятся безработными чаще всего женщины.

В статье освещается роль Киргизской советской социалистической республики в плановой экономике, история кампании по коренизации и попытки построить занятость колхозных рабочих так же, как фабричных, а также реальное функционирование скотоводческого хозяйства. В советское время формальное трудоустройство и добровольное участие в государственных проектах являлись необходимыми свойствами законопослушного гражданина и гарантировали некоторые права – это было единственное оправданное применение сил и навыков в промежутке между получением образования и пенсией. Когда бывшие работники колхозов говорят «сейчас все работают на себя», они имеют в виду не только то, что прекратилась работа в бригадах и общественных проектах, но и утрату идейного смысла работы как средства построения социализма. Потеря отчетливо понимаемого смысла работы и, следовательно, утрата средств к существованию воспринимается как двойной кризис. Это кризис того, что люди рассматривали как «совместно достижимое».

Среди видов настоящей, имеющей общественную значимость работы, осталась сейчас работа учителей, сотрудников здравоохранения и чиновников (пожалуй, сюда же можно причислить многочисленные должности в неправительственных организациях). Имеется в виду конкретная занятость, не имеющая прямого отношения к промышленному или сельскохозяйственному производству. Высшее образование, инвестиции в местную экономику или (массовая) трудовая миграция представляют основные опции для трудоустройства. В каждом из этих случаев особое значение придается тому, с кем связан индивид рабочими отношениями – с родственниками и друзьями или с иностранцами.

Далее в статье рассматривается труд сельской *келин* (*кирг.* сноха) и то, как обязанности в доме распределены в соответствии с половой принадлежностью и возрастом (последний критерий имеет относительное значение). Вклад в ведение домашнего хозяйства, являясь следствием хорошего воспитания, которое пропагандируется в стенах школы (плакаты, лозунги) и в семье, вовсе не является приметой современной «цивилизации». Семья и соседи, связанные узами взаимности, образуют семейный клан, занятость в котором стала альтернативой социалистической работе в бригаде, службе стране, человечеству.

Ожидания семьи и советского государства на первый взгляд схожи: служение как почитание старших и как труд. Однако эти виды деятельности имеют совершенно разную направленность: с одной стороны – государство, нация и человечество, а с другой – семья и соседи. И этих различий достаточно для Эльмиры, чтобы провести радикальное разделение между работой для семьи и работой на государство.

В статье приводятся и другие примеры: *молдо* (мулла, грамотный человек) Мидин, который рассматривает служение общине как акт благочестия и считает ислам дисциплинирующим инструментом; сельский предприниматель Толкунбек, который, помимо предпринимательской деятельности, является лидером *уру*, т.е.

управляет родом и решает его проблемы. Несмотря на подобные формы добровольной семейно-родовой занятости, от людей, выросших в советское время, часто можно услышать жалобы о том, что «азыр тартип жок» («сейчас нет воспитания»). В этом контексте *тартип* означает способность государства принуждать и мотивировать к хорошей трудовой дисциплине и высокой производительности труда. Многие утверждают, что эта способность катастрофически снизилась и не была заменена собственным желанием людей работать – работать честно. *Тартип* рассматривается и как внешняя сила, и как внутренняя мотивация, которая в той или иной форме необходима для эффективного сельского хозяйства. Что, кроме потребности выжить может быть в действительности ресурсом, мотивирующим к труду? У Мидина один из таких источников – его вера, вселяющая чувство долга и уверенность в том, что справедливость должна восторжествовать.

В большинстве рассмотренных форм занятости (труда) всегда присутствует некий вид трудовой интеграции внутри расширенной семьи. Важно заметить, что другие формы сельской занятости также представляют собой интеграцию в систему патронажа, зачастую представленного фиктивным родством, когда более старшие или обеспеченные «родственники» нанимают более бедных «братьев и сестер», в качестве вознаграждения предлагая нефиксированные денежные выплаты и различные формы покровительства. Этот вид патронажа, а также заработки в деревне (то есть услуги для богатых) иногда упоминаются с презрением или даже с гневом как *кулдук* – «рабство». Похожее описание работы (как рабства) распространяется и на труд мигрантов за границей. Мигрант-рабочий не может быть частью сообщества, на которое он работает, и именно поэтому работа в Москве воспринимается как рабская. Это одна из причин, по которой, несмотря на жалобы об отсутствии оплачиваемой работы в деревне, так трудно найти надежного работника. Если кто-то работает в деревне на другого человека, то он (или она) становится по определению «бедным человеком» и занимают более низкое положение в общине – как *келин* или младший родственник.

Суммируя взгляды и поступки *молдо* Мидина и историю о неоднозначном источнике успеха Толкунбека, подчеркнем, что обоими руководит осознанная необходимость служить народу, пропагандируя *тартип* (воспитание) и *тазалык* (честность). У Эльмиры тоже отчетливо различаются две модели – *тартип* и служение. В известном смысле это определение того, из чего должна состоять работа. Тем не менее все герои этой статьи – Эльмира, Мидин и Толкунбек – свободно оперируют также и многозначными понятиями о работе, описанными в том числе и в данном этнографическом исследовании. Таким образом, работа является: а) социальной обязанностью и взаимопомощью, б) родом деятельности, которая способствует жизнеобеспечению, в) деятельностью, которая подразумевает оплачиваемый труд.

При сопоставлении этих представлений о работе я показываю, как противостоят и пересекаются различные формы оценки труда. Распространенное представление о высокой ценности работы подпитывается различными формально противоречащими друг другу источниками морального авторитета. Киргизы ожидают, что младшие будут ухаживать за старшими, и именно это становится крите-

рием оценки для молодых дочерей и жен. Кроме того, как мы видим, для практикующего ислам Мидина методом самодисциплины и источником надежды на лучшее будущее является религия. И во всех этих представлениях светлое будущее зависит от наличия достойной работы, описываемой как служение (*кызмат, тейлоо*) народу, приносящее средства к существованию. Можно также описать служение как проявление заботы, которое заключается в том, чтобы быть заботливым, внимательным в особенности по отношению к старшим (таким, как чабаны или родители), обеспечивать и защищать их. Повторяющаяся тема в высказываниях по этому поводу – *прилагать усилия*. Отмечу, что источники аргументации в представлениях о хорошей работе не являются «узко локальными»: отчасти это киргизская идеология родства, отчасти – жизненный опыт, полученный при социализме, и, наконец, особенные версии ислама. Частично это представления, привнесенные в результате деятельности сильных внешних институтов (таких как Американские агентства по оказанию помощи и Всемирный Банк), которые поощряли полную приватизацию в начале 1990-х, стимулировали развитие предпринимательства, способность самостоятельно вести частный бизнес как неотъемлемую потребность новой экономики. Эти убеждения полностью разделяют и успешные бизнесмены, и политические лидеры местного значения вроде Толкунбека. Удивительно, что дискурсы о свободном рынке легко переплетаются с социалистическими в призывах к усиленному труду.

Обе идеи – служения и предпринимательства – противостоят негативно оцениваемому рабскому состоянию, когда предоставляемая услуга является не следствием свободного выбора, инициативы или хотя бы уважения (долга), но обременительной необходимостью и признанием своей ужасающей бедности. *Достойная работа* – это деятельность, направленная на пользу людям, к сообществу которых ты принадлежишь. «Рабской» для граждан Кыргызстана делает работу в Москве не только то, что это физически тяжелый труд (например, работа дворника), не только страх, связанный с нелегальным пребыванием в городе, но и невозможность принадлежать к сообществу тех людей, на которых они работают. Работа – единственный благородный способ проявить себя, это важное измерение человеческой личности, она воспринимается как дело, результаты которого «направлены» на себя и своих детей, как способ получить признание. Это утверждение особенно справедливо в тех случаях, когда работа воспринимается как служение. Богатые не всегда считаются хорошими работниками. Даже если работа не приносит заслуженного вознаграждения (как в случае людей, чьи трудовые годы пришлось на советское время и чьи сравнительно высокие пенсии, соответственно, были потеряны), трудовая жизнь является источником гордости, несмотря на безнадежные жизненные обстоятельства. Я показала, что не все виды работы являются желанной деятельностью и критерии их оценки резко различаются. Так, то, что, на взгляд Эльмиры, выглядит как подходящая работа, для Толкунбека и Мидина таковой не является. Они все дают различные определения работе, но при этом все сходятся в том, что значимо само наличие работы (в различных контекстах и с разными целями). Убеждение в том, что лучше быть самостоятельным, твердо стоять на ногах, быть независимым на личном и бытовом уровне (быть предпринима-

телем, а не рабом), часто вступает в противоречие с чувством долга и прежними историческими связями между странами социалистического братства, интересами рода (клана) и государства. Каждый из представленных героев обосновывает и проводит эти параллели по-разному. Основное различие лежит в определенных видах деятельности, которая служит критерием оценки труда. В этом смысле фразу «каждый сам за себя» следует понимать следующим образом: коллективность, которой способствует работа, и институциональный контекст, в котором работа должна быть сделана, поменялись местами в восприятии. По моему мнению, вместо предполагаемого возрождения родственных связей как соответствующей реальности формы коллективной организации, мы видим, что неотъемлемым аспектом работы оказывается служение обществу, которое по своему определению сильно отличается от понятия коллективности, распространенного в советском государстве. Резкое несоответствие критериев оценки происходит в основном из-за общей концепции работы как относительной практики, касающейся различных структур общности.

*Авторизованный перевод с английского Гульжан Тасмагамбет,
научный редактор перевода – Олеся Кирчик*